

Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. *Философия истории*. СПб., 2000.
2. Данилевский Н.Я. *Россия и Европа*. СПб., 1995.
3. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
4. Панфилова Т.В. Конец истории: мрачное пророчество или логически обоснованный вывод? // *Философские науки*. 2016. № 5. С. 7–23.
5. Панфилова Т.В. *О пользе и вреде философии истории*. Deutschland: Academic Publishing: LAP LAMBERT, 2013.
6. Тойнби А. *Постижение истории*. М., 1991.
7. Фромм Э. *Здоровое общество* // *Психоанализ и культура*. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М., 1995.
8. Шпенглер О. *Закат Европы*. Т. 1. М., 1993.

Tatiana V. Panfilova

EUROPE DECAYS, AND WHAT ABOUT RUSSIA?

Abstract. The situation of the West-European countries corresponds to the notion of the decay of Europe worked out by O. Spengler. The situation of Russia is determined with its location on the international arena. This location is assigned by the ruling financial world elite. Russian government pursues its policy. To understand Russian position adequately a number of the world-outlook propositions must be clarified.

Key words: decay of Europe, culture, civilization, globalization, imperialism, world history, ideology of consumerism.

УДК 111.1

В.Т. Фаритов

ТРАНСГРЕССИЯ КАК МЕТОД И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИРОЗДАНИЯ В НАСЛЕДИИ М.М. БАХТИНА

Аннотация. Концепт «трансгрессии» – нарушение установленных границ, выход за пределы – как правило, связывается с именами представителей философии постмодернизма: Ж. Батая, М. Фуко, Ж. Делеза и Ж. Деррида. В истории отечественной философии данный термин пока не получил достаточно широко распространения. Однако те явления, которые описываются с помощью понятия «трансгрессия», в русской философской мысли были детально проанализированы в работах М.М. Бахтина.

В исследованиях, посвященных творчеству Ф. Рабле и Ф.М. Достоевского, трансгрессивные феномены занимают центральное место и выступают в качестве основного предмета. Более того, в творчестве Бахтина имплицитно представлена целостная онтология трансгрессии. Экспликация данной онтологической модели мироздания посвящена предлагаемая статья.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, трансгрессия, русская философия, онтология, полифония, смех, тело.

Принадлежность Бахтина не только к филологии, но и к философии доказана и обоснована [9–11]. Философская значимость работ русского мыслителя признана как в отечественной, так и в зарубежной научно-исследовательской практике [13; 14]. Однако при наличии большого количества исследований не уделяется достаточного внимания онтологическим аспектам философии Бахтина. Его работы, как правило, связывают со сферами философии языка, философии культуры, эстетики и этики. Вместе с тем в литературоведческих по форме и материалу исследованиях признанного классика содержится целостная и оригинальная онтологическая картина мира, которая требует тщательного анализа. Решению данной проблемы посвящена настоящая статья.

Одна из причин, по которым онтологические аспекты творчества Бахтина остаются не в достаточной степени эксплицированными, заключается в том, что онтология Бахтина носит ярко выраженный неклассический характер. Категории классической онтологии нерелевантны философскому мировоззрению мыслителя. В своих работах Бахтин подчеркивает несоответствие своих философских установок не только метафизике, но и диалектике (данный тезис будет обоснован ниже). Онтология Бахтина не метафизична и не диалектична. Следовательно, ее нельзя адекватно описать, используя категории трансценденции, субстанции, трансцендентального субъекта, диалектического противоречия, снятия или отчуждения. Более того, собственная онтология Бахтина выстраивается на основе явной полемики с метафизическим и диалектическим подходами. Онтологические поиски русского мыслителя оказываются в большей степени близкими философии Ф. Ницше [3]. Соответственно, для задачи экспликации онтологических аспектов творчества Бахтина наиболее адекватными будут концепты постструктуралистской философии. Такие исследователи, как Ch. Jenks и P. Stallybrass, предлагают использовать для анализа творческого наследия Бахтина концепт «трансгрессия» [15; 16]. Данный термин вошел в пространство философского дискурса сравнительно недавно с работами Ж. Батая, М. Фуко и Ж. Деррида. Онтологический статус концепта «трансгрессия» нуждается в специальном исследовании [12]. В настоящей статье мы постараемся показать, что не только применение данного концепта для исследования онтологических аспектов работ Бахтина оправдано и обо-

сновано, но и что сам концепт «трансгрессия» получает благодаря такому анализу тщательную и разностороннюю разработку.

Сам Бахтин никогда не употреблял в своих работах термина «трансгрессия». Однако под семантическое поле данного концепта подпадают такие наиболее значимые разработки мыслителя, как карнавальное мироощущение, полифония, двутонное слово, гротеск, смех, праздник, игра [15, с. 161–175]. В работах Бахтина можно найти и точное определение самого феномена трансгрессии. Так, характеризуя неофициальную, народную речь, Бахтин отмечает: «Твердые и официальные границы между вещами, явлениями и ценностями начинают смещаться и стираться» [2, с. 544]. Трансгрессия и есть не что иное, как смещение и стирание границ – границ между вещами и между ценностями. Трансгрессия предполагает выход предмета за собственные границы. У Бахтина мы читаем: «Праздник, связанные с ним поверья, его особая атмосфера вольности и веселья выводят жизнь из ее обычной колеи и делают невозможное возможным» [2, с. 617]. Праздник и карнавал, отменяющие иерархические отношения, допускающие временное нарушение существующих норм и запретов, представляют собой трансгрессивные феномены по существу.

Для целей нашего исследования важно не просто показать наличие трансгрессивных феноменов в работах Бахтина. Необходимо раскрыть трансгрессивность как универсальный способ бытия. При этом важно учесть с самого начала, что трансгрессия является не бытием как таковым, не бытием в целом, но только одним из способов бытия. Наряду с трансгрессией существует как минимум еще один не менее универсальный и не менее значимый способ бытия. Трансгрессия как онтологический феномен направлена против безраздельного господства такого модуса, как трансценденция. Характеризуя значение шутки в период Средних веков и Ренессанса, Бахтин отмечает: «Освобождались прежде всего от пут благоговения и серьезности (от “непрерывного брожения благоговения и страха божия”) и от гнета таких мрачных категорий, как “вечное”, “незыблемое”, “абсолютное”, “неизменное”» [2, с. 114]. Все перечисленные категории имеют одну общую черту – они являются основополагающими категориями метафизики и характеризуют то, что находится вне времени («вечное» и «неизменное») и претендует на абсолютную значимость («незыблемое» и «абсолютное»). Это и есть трансценденция – область потустороннего, сверхчувственного бытия, царство вечного, безусловного, единого и тождественного.

Трансценденция является корнем, основой метафизической онтологии – от Парменида, Платона и Аристотеля, от Фомы Аквинского до И. Канта, К. Ясперса и Э. Гуссерля. В Средние века онтология трансценденции получает господствующее положение и формирует онтологическое основание официальной, «серьезной» культуры. Бахтин дает подробную характеристику этого основания посредством анализа облика и духа этой официальной «готической» культуры. Он показывает, что в трансценденции пре-

обладает вертикаль, поскольку именно данный тип организации пространства наилучшим образом соответствует базовым установкам трансценденции — раскрытию вневременного и иерархически упорядоченного бытия: «В средневековой картине мира верх и низ, выше и ниже, имеют абсолютное значение как в пространственном, так и в ценностном смысле. Поэтому образы движения вверх, путь восхождения, или обратный путь нисхождения, падения играли в системе мировоззрения исключительную роль» [2, с. 519].

Избрав предметом своего исследования неофициальную, народно-смеховую культуру Средних веков и Ренессанса, воплотившуюся в творчестве Рабле, Бахтин детально анализирует другую онтологическую модель мира, альтернативную господствовавшей метафизической. В этой альтернативной модели мира ключевым, базисным моментом является трансгрессия. Если трансценденция есть вертикаль — восхождение от низшего к высшему, то трансгрессия утверждает горизонтальное движение в реальном, земном и историческом пространстве и времени. Используя онтологическую терминологию, можно отметить, что трансгрессия отрицает трансцендентное с его категориями вечного и вневременного и утверждает имманентное, для которого характерны становление, рождение и смерть, рост и преобразование. Вот наиболее характерное место в этом плане: «Другими словами — он хочет увековечивания земного на земле, сохранение всех земных ценностей жизни: прекрасного физического облика, цветущей юности, веселья друзей. Он хочет продолжения жизни с сохранением этих ценностей для других поколений; он хочет увековечивания не какого-то статического состояния блаженной души, но именно сохранения жизненной смены, вечных обновлений, чтобы старость и дряхлость расцветали бы в новой юности» [2, с. 525]. В трансгрессии речь тоже идет о вечности, но это не вневременная вечность трансценденции, но вечность самого времени, вечность становления. В этом моменте заключается основная интенция онтологии Ф. Ницше: «*Придать* становлению характер бытия». Бахтин показал, что эта установка на придание становлению характера бытия выступала в качестве ключевого момента уже в модели мироздания, раскрывающейся в романе Рабле. Трансценденция стремится увековечить и зафиксировать определенную исторически сложившуюся систему оценок. Она отрицает исторический характер этой системы и возводит ее в абсолют: «Эта старая власть и старая правда выступают с претензиями на абсолютность, на вневременную значимость» [2, с. 277]. Трансгрессивное движение осмеяния, снижения и переворачивания направлено на отрицание именно этой претензии на вечность и абсолютность. Трансгрессия раскрывает время, становление и относительность там, где хотели утвердить нечто незыблемое и непреходящее. Если трансценденция претендует на окончательную завершенность и фиксированную тождественность бытия, то трансгрессия раскрывает, в свою очередь, вечную «неготовность» бытия как становления.

В пространстве художественного текста выразить такое трансгрессивное понимание бытия позволяет гротеск, который «стремится захватить в своих образах само становление, рост, вечную незавершенность, неготовность бытия; поэтому он дает в своих образах оба полюса становления, одновременно — уходящее и новое, умирающее и рождающее» [2, с. 75]. Гротескный образ трансгрессивен, поскольку фиксирует сразу два противоположных полюса, раскрывает состояние незавершенного перехода. Напротив, фиксированная определенность с жестко установленными границами нехарактерна для трансгрессивной онтологии: «...все ограниченно-характерное, застывшее, готовое, сбрасывается в телесный низ для переплавки и нового рождения» [2, с. 75].

Нарушая или смешая установленные границы между вещами и оценками, выводя жизнь за пределы обычной колеи, трансгрессия не просто релятивизирует трансценденцию. Бахтин постоянно настаивает на позитивном, утверждающем аспекте трансгрессивных феноменов (карнавала, гротеска, смеха). Нарушая фиксированные определенности, стирая установленные границы, трансгрессия тем самым раскрывает возможность иных определенностей и других границ. Трансгрессия «позволяет взглянуть на мир по-новому, почувствовать относительность всего существующего и возможность совершенно иного миропорядка» [2, с. 51]. Здесь фактически Бахтин предвосхищает деконструкцию Ж. Деррида, смысл которой состоит не в критическом отрицании, но в раскрытии возможности иной конструкции.

Таков один из основных аспектов трансгрессии как онтологического феномена: утверждение становления, незавершенности («неготовности») бытия в противовес иерархическому и фиксированному миропорядку трансценденции. Трансгрессия раскрывает становление во всем ставшем, временное — во всем вневременном, относительное — во всем абсолютном.

На основе анализа работ Бахтина можно выявить и вторую существенную онтологическую характеристику трансгрессии: раскрытие множественности и гетерогенности в едином и тождественном. Если становление, временность и относительность как трансгрессивные аспекты бытия Бахтин выявил на основе анализа романа Рабле, то множественность и гетерогенность он эксплицирует на материале исследования творчества Достоевского.

Трансценденция утверждает тождество вещи или явления посредством полагания вечной и неизменной субстанции — идеи, духа, Бога. Любое явление получает онтологический статус репрезентации этой субстанции. Изменения во времени и истории становятся несущественными, поскольку не затрагивают и не изменяют субстанциальное ядро предмета. В этом ядре предмет всегда остается тождественен себе. Бахтин характеризует подобную установку в области литературы и культуры как принцип идеологического монологизма. Начиная с периода Нового времени в качестве

метафизического основания единства и тождества бытия начинает выступать универсальное сознание: «Монистический принцип, то есть утверждение единства бытия, в идеализме превращается в принцип единства сознания» [1, с. 92].

Трансгрессия, в свою очередь, раскрывает универсальную несамостоятельность бытия, обнаруживает, что предмет включает множество гетерогенных определенностей и что именно эта множественность и составляет бытие предмета. В философии эта идея была раскрыта в перспективизме Ницше [5]. В художественной литературе она получает свое воплощение в произведениях Достоевского: «Там, где видели одну мысль, он умел найти и нащупать две мысли, раздвоение; там, где видели одно качество, он вскрыл в нем наличность и другого, противоположного качества» [2, с. 36].

Таков второй аспект трансгрессивной модели мироздания: не один универсальный смысл, но «многосмысленность», конфигурация множества одновременно существующих смысловых перспектив, ни одна из которых не получает статуса определяющей и доминирующей смысловой инстанции. Эту трансгрессивную онтологию следует отличать, во-первых, от диалектической онтологии, а во-вторых, от метафизического плюрализма.

На страницах своих работ Бахтин неоднократно вступает в полемику с Г.В.Ф. Гегелем. Так, характеризуя поэтику Достоевского, мыслитель отмечает: «Но все эти противоречия и раздвоенности не становились диалектическими, не приводились в движение по временному пути, по становящемуся ряду, но разворачивались в одной плоскости как рядом стоящие или противостоящие, как согласные, но не сливающиеся или как безысходно противоречивые, как вечная гармония неслиянных голосов или как их немолчный и безысходный спор» [2, с. 36]. На первый взгляд может показаться, что полифоническая, трансгрессивная модель мира обнаруживает родство с онтологией Гегеля. Действительно, немецкий классик сделал внутреннее противоречие ядром своей диалектической онтологии, а мастерством вскрывать многое и противоположное в одном, выявлять переход одного момента в другой он владел не в меньшей степени, чем Достоевский. И тем не менее сходство в данном случае носит лишь внешний характер. Гегель остается верен монологизму: множественность и гетерогенность оказываются у него лишь путем к высшему тождеству и единству. Качественно различающиеся смысловые перспективы не получают в его философии самостоятельного онтологического статуса, но полагаются лишь в качестве этапов становления единого Духа. Все противоречия для Гегеля представляют собой лишь несамостоятельные моменты, которые подлежат снятию в тотальности Абсолюта. Это означает, что, согласно концепции Бахтина, диалектическую онтологию следует относить не к полифонической, но к монологической модели мироздания. В художественной литературе такой онтологии соответствует монологический роман: «Всякий спор двух голосов в одном слове за обладание им, за доминирование в

нем заранее предreshен, это только кажущийся спор; все полнзначные авторские осмысления рано или поздно соберутся к одному речевому центру и к одному сознанию, все акценты — к одному голосу» [2, с. 237]. В диалектике Гегеля происходит то же самое. Как справедливо отмечает Р. Гайм, у Гегеля «все движение во времени, весь «труд» истории, низводится до простой игры, в которую абсолютное играет само с собой» [4, с. 353].

Художественный мир Достоевского выстраивается, согласно Бахтину, на принципах, противоположных диалектике Гегеля: «...множественность голосов не должна быть снята, а должна восторжествовать в его романе» [2, с. 237]. Для Достоевского «основными являются динамические, напряженнейшие связи между высказываниями, между самостоятельными и полноправными речевыми центрами, не подчиненными словесно-смысловой диктатуре монологического единого стиля и единого тона» [2, с. 237]. В трансгрессивной онтологии утверждается подлинная полифоничность бытия: гетерогенные смысловые перспективы получают самостоятельную онтологическую значимость, они не подлежат снятию и растворению в тотальности духа или идеи. Трансценденция устанавливает доминирующую смысловую инстанцию. Трансгрессия освобождает бытие от деспотической власти единого и универсального смысла. «Карнавал освобождает нас от терроризма чрезмерного значения (“Carnival releases us from the terrorism of excessive significance”» [13, с. 185].

Не менее значимой задачей является необходимость показать отличие трансгрессивной онтологии от метафизического плюрализма. Последний полагает множественность субстанциальных оснований бытия. Множественность в данном случае носит количественный характер, а различия являются только внешними. Множественные субстанции отличаются друг от друга, но не отличаются сами от себя. В себе они являются самотождественными сущностями, неспособными к выходу за свои собственные границы, то есть к трансгрессии. Так, атомы Демокрита отличаются друг от друга по форме и по положению в пространстве, но сами остаются тождественными себе в любой момент существования. Отсюда следует, что плюрализм является вариантом метафизики и относится к трансценденции, а не к трансгрессии. Онтология трансгрессии, в свою очередь, вообще не допускает никаких субстанциальных оснований бытия — неважно, будет ли речь идти об одной субстанции или о множестве таких основ. Трансгрессия полагает не множество субстанций, но множество центров сил, которые, в отличие от субстанций, характеризуются преобразуемостью и нетождественностью с собой. Центры силы временно локализуемы и трансгрессивны, подобно элементарным частицам квантовой физики. Бахтин в данном случае говорит о различии субстанций и функций, которое является значимой характеристикой карнавала: «Карнавал торжествует самую смену, самый процесс сменяемости, а не то, что именно сменяется. Карнавал, так сказать, функционален, а не субстанциален. Он ничего не абсолютизирует, а про-

возглашает веселую относительность всего» [2, с. 144]. Данный пункт весьма богат онтологическими импликациями. Здесь мы снова сталкиваемся с различиями трансценденции и трансгрессии. Трансценденция полагает субстанции — это утверждение справедливо как для монизма, так и для дуализма и плюрализма. Трансгрессия не является субстанцией и не допускает ничего субстанциального: завершенного, самоидентифицированного, фиксированного и устойчивого, абсолютного. Трансгрессия знает только переход, стирание и смещение установленных границ. Трансгрессия — это функция, а не субстанция. В этом плане философия Бахтина вписывается в контекст онтологических поисков неклассической философской мысли — от Ницше до Делеза [6–8], причем Бахтину принадлежит значимое слово в этом контексте.

Таким образом, завершая исследование, можно сделать вывод, что онтологические аспекты философии М. Бахтина по своей направленности относятся к парадигме трансгрессии. Данная парадигма формируется в неклассической философии как ответ на кризис онтологии трансценденции, доминировавшей в философской мысли на протяжении многих веков. Бахтин в своих работах не просто обнаруживает причастность к парадигме трансгрессии, но и принимает самое непосредственное участие в формировании данного типа онтологии. Трансгрессия является основным онтологическим мотивом творчества русского мыслителя и получает в его исследованиях детальную и разностороннюю разработку. Для задачи изучения трансгрессии как онтологического (а также культурно-исторического, эстетического и этического) феномена работы Бахтина имеют непреходящую значимость.

Библиографический список

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
2. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: ЭКСМО, 2015. 640 с.
3. Войцкая И. Бахтин и Ницше // Фридрих Ницше и русская религиозная философия: Переводы, исследования, эссе философов «серебряного века»: в 2 т. Т. 1. Минск, 1996. С. 314–324.
4. Гайм Р. Гегель и его время. СПб.: Наука, 2006. 394 с.
5. Гранье Ж. Ницше. М.: АСТ: Астрель, 2005. 158 с.
6. Конев В.А. Две концепции логики смысла: Жиль Делез и Андрей Смирнов (Часть первая) // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 37–48.
7. Конев В.А. Смыслы культуры. Самара: Самарский университет, 2016. 276 с.
8. Конев В.А. Трансцендентальный эмпиризм Ж. Делеза. Семинары по «Различию и повторению». Самара: Самарский государственный университет, 2001. 140 с.

9. Махлин В.Л. Бахтин и Запад (начало) // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 94–114.
10. Махлин В.Л. Бахтин и Запад (окончание) // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 134–150.
11. Микешина Л.А. Значение идей Бахтина для современной эпистемологии // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. М.: ИФ РАН, 1999. С. 205–227.
12. Фаритов В.Т. Онтология трансгрессии: Г.В.Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы (из истории метафизических учений). СПб.: Алетейя, 2017. 442 с.
13. Eagleton T. Bakhtin, Schopenhauer, Kundera // Bakhtin and Cultural Theory K. Hirschkop and D. Shepherd. Manchester, 1989.
14. Hirschkop K. and Shepherd D. Bakhtin and Cultural Theory. Manchester, 1989.
15. Jenks Ch. Transgression. L.; N. Y.: Routledge, 2003. 205 p.
16. Stallybrass P., White A. The Politics and Poetics of Transgression. Ithaca: N. Y., 1986.

Vyacheslav T. Faritov

TRANSGRESSION AS A METHOD AND ONTOLOGICAL MODEL OF THE UNIVERSE IN THE LEGACY OF MIKHAIL BAKHTIN

Abstract. The concept of «transgression» – a violation of established boundaries, going beyond the limit – as a rule, is associated with the names of the representatives of the philosophy of «postmodernism»: Georges Bataille, Michel Foucault, Gilles Deleuze and Jacques Derrida. In the history of Russian philosophy the term has not yet been disseminated widely enough. However, the phenomenon, which are described using the concept of «transgression», in Russian philosophy were thoroughly analyzed and described in the works of M.M. Bakhtin. In the studies, devoted to the work of F. Rabelais and F.M. Dostoevsky, transgressive phenomena are central and serve as the main subject. Moreover, in the works of Bakhtin implicitly presents a holistic ontology transgression. Explication of the ontological model of the universe is devoted to the proposed article.

Key words: M.M. Bakhtin, transgression, Russian philosophy, ontology, polyphony, laughter, body.